

### Список літератури

- 1 Лотман, Ю. М. Лекции по структуральной поэтике // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. – М., 1994. – С. 10–257.
- 2 Нарысы беларуска-ўкраінскіх літаратурных сувязей : культур.-гіст. і літ. аспекты праб. / [Нац. Акад. навук Беларусі. Ін-т літ. імя Я. Купалы]. – Мн. : Бел. Навука, 2002. – 363 с.
- 3 Chandler D. Semiotics for Beginners [Электронний ресурс] / Режим доступу: [http://users.aber.ac.uk/dgc/Documents/S4B/the\\_book.html](http://users.aber.ac.uk/dgc/Documents/S4B/the_book.html). – Загол. з екрана. – Мова англ.
- 4 Code Aesthetic / Site [Электронний ресурс]. – Режим доступу: <http://codeaesthetic.com>. – Загол. з екрана. – Мова англ.
- 5 Eine nichtkommerzielle wissenschaftliche Diskussionsplattform der Semiotik : Was ist 'ästhetischer Kode'? / das Semiotik-Forum [Электронний ресурс]. – Режим доступу: [http://www.semiotikforum.de/index.php?option=com\\_agora&task=topic&id=6&Itemid=2](http://www.semiotikforum.de/index.php?option=com_agora&task=topic&id=6&Itemid=2). – Загол. з екрана. – Мова нім.
- 6 Fuhr, M. Populäre Musik und Ästhetik : die historisch-philosophische Re-konstruktion einer Geringschätzung / M. Fuhr. – Hamburg: Bielefeld, 2007. – S. 208.
- 7 Haag, K. Zeihen, ästhetisches Zeichen : eine kritischer Beitrag zur Semiotik / K. Haag // Ästhetik und Interpretationstheorie. – Würzburg : Königshausen und Neumann, 1997. – 259 s.
- 8 Heinzlmaier, B. Jugend und Musik / B. Heinzlmaier. – Wien, 2011. – 18 s.
- 9 Posner, R. Linguistische Poetik / R. Posner // Lexikon der Germanistischen Linguistik. – Tübingen : Hans-Peter Althaus, 1980. – S. 687 – 698.
- 10 Tröndle, M. Musik und Identität : was Musikvermittler über ihr Publikum wissen sollten [Электронний ресурс] : Режим доступу: <http://www.daad.org.ua/de/2.5.1.2.4.html>. – Загол. з екрана. – Мова нім.

УДК 821.161.09

Е. В. МАЛЕВИЧ

(г. Гомель, ГГУ им. Ф. Скарны)

### АЛЕКСАНДР ТЕЗКИН – ЛИШНИЙ ЧЕЛОВЕК НОВОГО ВРЕМЕНИ

Можно ли считать главного героя романа Алексея Варламова “Лох” “лишним человеком”? Есть ли в нем нечто онегинское или печоринское? Присуще ли ему отчуждение от социальной среды? Осознает ли он свое интеллектуальное и нравственное превосходство, проявляя при этом душевную усталость, глубокий скептицизм, разлад между словом и делом? [1, с. 56] Сказать однозначно будет непросто, ведь время, в котором жил Александр Тезкин, это время перемен, когда не только отдельно взятые личности, а целые сферы жизни и общественные устои претерпевали необратимые изменения.

Тема “лишнего человека” более чем раскрыта и изучена в русской классической литературе 19 века. Это понятие вошло во всеобщее употребление после “Дневника лишнего человека” Тургенева в пятидесятых годах 19 столетия. Сам же тип сложился еще раньше: первое яркое воплощение – Евгений Онегин. За ним последовали Печорин, Бельтов, тургеневские персонажи – Рудин, Лаврецкий и др.

В западноевропейской литературе к “лишнему человеку” в известной мере близок герой, разочарованный в социальном прогрессе (“Адольф”, 1816, Констан; “Исповедь сына века”, 1836, Мюссе). Однако в России противоречия общественной ситуации, контраст цивилизации и рабства, гнет реакции выдвинули этот тип на более видное место, обусловили повышенный драматизм и интенсивность его переживаний [3, с. 121].

И если Чацкий не принимал окружающую действительность, противостоял ей, то варламовский Александр Тезкин больше напоминает медитирующего монаха, которому легче принять реальность, рассмотреть ее под всеми углами и примириться, нежели вступать в борьбу. В крайнем случае – можно попытаться сбежать: к далеким звездам или в Крым – не важно, главное – не предпринимать активных действий. Побег этот неизбежно приводил к созерцанию

и новому разочарованию (разве что звезды не могут разочаровать). Словно мир вокруг оказался собранной мозаикой, в которой не хватало одной детали, и, будучи этой самой деталью, Тезкин не подходил под предложенные изгибы.

По-моему, Александр не считал себя лучше или важнее других, и уж тем более он не хотел что-то в них менять. Ему интереснее было любоваться звездами, теми самыми, что висели в небе тысячи лет и, несмотря на весь ужас происходящего в подлунном мире, продолжали загадочно светить.

Тезкин с детства обращал взгляд к вечности. Его любовь к слабому полу нельзя назвать похотью – она изначально была высоким эстетическим чувством. Это сродни восхищению музыкой, преклонению перед красотой вообще. Такое же чистое и вечное, как тяга мечтателей к небесным светилам. Быть может такое проявление чувств и стало тем самым “неверным” изгибом в мозаике. С него все началось. Вспомните: другие ребята говорили о связи с женщиной, как о чем-то животном, сугубо материальном. И только Тезкин разглядел в этом высший смысл. Вечная смена поколений возможна только благодаря преклонению мужчины перед женской красотой.

Саша мне видится “лишним человеком” не в общепринятом понимании, а скорее как наблюдатель, предпочитающий не вмешиваться в ход событий. Неспроста на попытки Кати разговорить его на Дальнем Востоке он предпочел замкнуться в себе и принять грядущую смерть.

Отголоски классического “лишнего человека” слышны в словах Голдовского, и просматриваются во всей его судьбе [2, с. 23]. Это он считал себя и друга “иными”, он хотел, чтобы их чистая дружба и убеждения изменили мир. Это доходило до откровенного абсурда – как то клятва на крови. Возможно, автор намеренно высмеял классический тип и постарался представить его неактуальность в новых условиях. Тезкин же на контрасте не отвечал на смелые суждения товарища. Более того, он чувствовал – ни в чем нельзя быть уверенным. Дальнейшая судьба и занятия Голдовского указывают на его деятельную позицию, в то время, как Тезкин жил, сложа руки. В то же время, несмотря на свой характер, Голдовский обратил нравственную позицию и духовные поиски в прибыль. В итоге его путь также завершился разочарованием в тот момент, когда русская культура перестала быть модной.

Тут нельзя не вспомнить библейскую притчу о талантах. Не только потому, что главные герои зарыли их в землю, а потому, что автор неспроста наделяет Катеньку, большую Сашину любовь, набожностью, тем самым отсылая читателя к информационному полю христианства.

Девушка пойдет по пути Христа и принесет себя в жертву ради Тезкина. Пусть отдана была не жизнь, а лишь невинность, для верующей девушки цена спасения была невероятно высока. Это сильный и трогательный момент книги, который заставляет задуматься, а не проживаем ли мы, читатели, свою жизнь, как Тезкин или Голдовский? Ведь за время, нам отпущенное, заплачена немалая цена. Даже если вы атеист, подумайте: подобные истории случались, если не с нашими родителями, то наверняка происходили с кем-то из сотен и тысяч предков. Длинная цепь поколений предшествует нашему рождению, и предки имели свое место в этом мире (иначе не было бы нас). Родовые муки матери можно считать той самой жертвой. Только поэтому нельзя допустить, чтобы такая ценная жизнь была лишена смысла, а тот, кто ее проживает – своего места в этом мире.

Безусловно, жертву Катеньки кощунственно сравнивать со страстями Христа, однако в том и вся соль, что грязное и пошлое проявление действительности становится наичистейшим и благороднейшим жестом, искупившим порочность, отметающим все животное. Катенька, в отличие от Тезкина, нашла смысл жизни – это спасение Саши. Только вот, что делать с этим спасением, Тезкин не знал.

Подобно блудному сыну, он стал любимым ребенком в семье. Только странствия его, пусть и напоминали отдаленно библейскую притчу, но являлись скорее духовными

поисками. Путник, отшельник, мудрец – такие образы возникают при взгляде на жизнь Саши.

Его судьбу определяли мойры, а не он сам. Казалось, когда было соткано причудливое полотно российской действительности тех лет, старухи опомнились и пустили нить судьбы сквозь эту ткань как попало. Разумеется, чужеродная ниточка пришлась, как говорится, ни к селу, ни к городу.

“Лишний человек” связан с противостоянием: “личность – общество”, “внутренняя воля – коллективные нормы бытия”. В зависимости от индивидуального видения этой дилеммы писателями и решения ее обществом “лишний человек” на каждом этапе советского исторического развития выглядел в литературе по-разному [1, с. 3].

Если в Николаевскую эпоху 19 века дворяне играли в карты и кутили на маскарадах, забыв о возможности что-либо изменить, то в перестроечное время менялось все, причем так быстро, что уследить за всеми изменениями было невозможно. Мир стремительно становился лишним, а Тезкин с его “вечностью” оставался неизменным. Он не менял мир, в то время, как мир усердно пытался изменить его самого.

На рубеже 1850–60-х гг. критика, ведя наступление на либеральную интеллигенцию, заостряла слабые стороны “лишнего человека” – неспособность к активному вмешательству в жизнь общества, половинчатость. При этом обсуждения неправомерно сводились к теме либерализма, а его историческая основа – к барству и “обломовщине”. Не принималось во внимание также соотношение типологии “лишнего человека” как культурологической проблемы с художественным текстом, в котором – в наиболее сложных случаях – устойчивость характера оказывалась проблематичной: так, душевная усталость и равнодушие Онегина сменялась в заключительной главе пушкинского романа юношеской страстностью и увлеченностью.

В контексте литературного движения этот тип развивался под знаком более разносторонней и подвижной характерологии, всячески менялся [3, с. 4].

Возможно в том и отличие, что герой, разглядевший в низменном истинную красоту, не становится лишним. Он олицетворяет нерушимую человечность, священную природу и отчасти медитативное созерцание. Это мир стал другим, мир изменился, а Тезкин остался Тезкиным. Тут находит свое объяснение уединенный образ жизни Тезкина-отшельника.

Жизнь главного героя не повлияла на судьбу России, но сама по себе она ценна. Это история отдельно взятого человека, отражающая сущность человечества, в том числе его лучшие стороны. Пусть, все меняется за окнами и на голубых экранах опрокидываются старые идолы – это только фон любой жизни, – дорога Тезкина не зависит от него. Он мог прожить такую же жизнь в любое другое время. Его интересовало “вечное”, а история России – песчинка рядом с величием небесных светил.

Таким образом, Тезкин не совсем подходит под типологию “лишнего человека”, но, размышляя, можно прийти к выводу, что тот самый тип, актуальный в 19 веке, теперь выглядит нелепо, как клятва Голдовского с ножом в руке. Поэтому Александр Тезкин – “лишний человек” нового времени, Обломов-отшельник, странствующий мудрец с загадочной улыбкой. Тот, кто давно примирился с собственной смертью, то есть с отсутствием себя. Это прекрасный и глубокий образ, который находит отражение в наших сердцах, как когда-то Онегин и Печорин в сердцах современников.

#### Список литературы

- 1 Литературная энциклопедия терминов и понятий под ред. А. Н. Николюкина : энциклопедия. – М. : «Интелвак», 2001. – 450 с.
- 2 Маркович, В. М. Человек в романах И. С. Тургенева / В. М. Маркович. – Л., 1975. – 120 с.
- 3 Овсянко-Куликовский, Д. Н. Из «Истории русской интеллигенции» литературно-критические работы: в 2 т. / Д. Н. Овсянко-Куликовский. – М., 1989.